

Экспериментальная философия

Experimental Philosophy

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-931-944>

EDN: JAJMIK

Научная статья / Research Article

Экспериментальный поворот в философии

Н.В. Зайцева , Д.В. Зайцев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

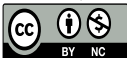
 natvalen@list.ru

Аннотация. Исследование служит введением в проблематику экспериментальной философии и предвещает специальный выпуск журнала по этой теме. Прослеживается недолгая история экспериментальной философии, рассматриваются различные варианты ее трактовки. Предлагается понимание экспериментальной философии не как особого направления или этапа развития философской мысли, но как радикального изменения в методе философского исследования, предполагающего синтез традиционных философских методов исследования и методов эмпирической (в первую очередь когнитивной) науки для решения философских проблем. Важной характерной чертой экспериментальной философии является ее междисциплинарность. Философ не просто использует результаты эмпирического исследования, но может участвовать в исследовании на всех этапах, начиная с построения модели исследуемого явления или процесса и выдвижения гипотез, последовательно проходя через выбор стимульного материала и разработку дизайна эксперимента к интерпретации результатов и их философскому осмыслению. Развиваемая трактовка экспериментальной философии открывает возможность экспериментально-философского исследования в любой области: от эпистемологии или онтологии до логики и философии языка, без надуманного разделения на аналитическую и экспериментальную версии. При этом авторы делают акцент на особенной плодотворности (нейро)феноменологии, которая благодаря ее обращенности к непосредственно данному опыту субъекта оказывается методологически близкой к естественным наукам. В заключительной части дается краткий обзор работ тематического выпуска.

Ключевые слова: экспериментальная философия, когнитивный поворот, нейрофеноменология, когнитивная наука

Информация о финансировании. Исследование выполнено в рамках исследовательской программы Центра философии когнитивных наук и искусственного интеллекта философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

© Зайцева Н.В., Зайцев Д.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Информация о вкладе каждого автора. Все авторы внесли равный вклад в концепцию, подготовку и написание текста.

История статьи:

Статья поступила 01.06.2024

Статья принята к публикации 01.09.2024

Для цитирования: Зайцева Н.В., Зайцев Д.В. Экспериментальный поворот в философии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 4. С. 931–944. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-931-944>

Experimental Turn in Philosophy

Natalia V. Zaitseva , Dmitry V. Zaitsev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

 natvalen@list.ru

Abstract. The research serves as an introduction to experimental philosophy and introduces a special journal issue on this topic. We trace a brief history of experimental philosophy and consider different variants of its interpretation. Building upon this, we propose the interpretation of experimental philosophy not as a particular direction or stage in the development of philosophical thought but rather as a radical change in the method of philosophical inquiries, involving the synthesis of traditional philosophical research methods and methodology of empirical (primarily cognitive) science to solve philosophical problems. An important characteristic feature of experimental philosophy, so defined, is its interdisciplinarity. The philosopher does not just use the results of empirical research but can participate in research at all stages, starting with constructing a model of the phenomenon or process under study and hypothesizing, consistently going through the selection of stimulus material and the design of the experiment towards the interpretation of the results and their philosophical understanding. This interpretation of experimental philosophy opens up the possibility of experimental philosophical research in any field, from epistemology or ontology to logic and philosophy of language, without a far-fetched division into analytical and experimental versions. At the same time, the authors emphasize the remarkable fruitfulness of (neuro)phenomenology, which, due to its appeal to direct subjective experience, turns out to be methodologically close to the natural sciences. The final part provides a brief overview of the studies in the thematic issue.

Keywords: experimental philosophy, cognitive turn, neurophenomenology, cognitive science

Funding of Sources. The research was carried out within the framework of the research program of the Center for Philosophy of Cognitive Sciences and Artificial Intelligence, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

Author Contribution. All authors contributed equally to the conception, preparation, and writing of this manuscript.

Article history:

The article was submitted on 01.06.2024

The article was accepted on 01.09.2024

For citation: Zaitseva NV, Zaitsev DV. Experimental Turn in Philosophy. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(4):931–944. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-931-944>

Новый поворот

Пути философии никогда не были прямыми и ровными, но последние два столетия изобилуют множеством новых развилок и неожиданных поворотов. Поворот к самим вещам, лингвистический, когнитивный, прагматический и практический, метафизический и спекулятивный, социальный.., всех и не упомнишь. И вот сравнительно новый, экспериментальный поворот. В чем его суть? Какими будут его последствия? Станет ли он лишь очередной данью моде или определит вектор развития мировой философии на ближайшее будущее? В принципе ответы на эти вопросы отчасти должны дать исследования специального выпуска журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия», посвященного экспериментальной философии. В этой вводной работе мы постараемся обосновать свое видение экспериментальной философии как результата, в первую очередь радикального поворота в области методологии исследований, а также продемонстрировать фундаментальную роль феноменологического подхода в междисциплинарных экспериментально-философских исследованиях.

В последние годы об экспериментальной философии пишут много и по-разному. Авторы работы [1], проанализировав корпус из 1 248 книг и статей в этой области, опубликованных за последние два десятилетия, отмечают тенденцию роста публикаций, характеризуя при этом последние пять лет как плато с уровнем около ста публикаций за год. Условно все это множество текстов можно разделить на два потока: работы, в которых обсуждается специфика и суть экспериментальной философии как относительно молодого философского направления, и непосредственно исследовательские статьи, выполненные в рамках экспериментальной философии. По очевидным причинам в данной работе нас больше будет интересовать первая группа публикаций.

Едва ли имеет смысл в данном исследовании подробно описывать проблематику экспериментальной философии. Она очень широка и охватывает спектр тем от концептуального анализа и мысленных экспериментов до языка индейцев Хопи и когнитивных функций человека. Как станет ясно из дальнейшего изложения, с нашей точки зрения специфика экспериментальной философии определяется не набором тем, а подходом к их исследованию. Дабы не перегружать вводную работу ссылками на литературу, укажем статью Ноуба и Николса [2] как удобный информационный ресурс. В этой статье, традиционно для Стенфордской энциклопедии, есть много ссылок для поиска наиболее значимых публикаций в этой области, а также описание основных подходов к трактовке и определению экспериментальной философии.

Практически все авторы, ставящие перед собой задачу дать краткую характеристику экспериментальной философии, во-первых, отмечают, что единого определения не существует, а во-вторых, предлагают свою

интерпретацию этого философского направления. Новейшую историю экспериментальной философии принято отсчитывать с целого ряда работ начала этого века (см. [3–5]) и ключевой книги [6], увидевшей свет в 2008 г., в которой в частности содержится своеобразный манифест экспериментальной философии и намечаются тенденции ее развития. Однако при этом многие авторы согласны с тем, что исследования, позднее объединенные под зонтиком экспериментальной философии, присутствовали в традиционном философском пространстве со времен Аристотеля. В ряду предшественников экспериментальной философии называют также Т. Гоббса, Ф. Бэкона, Р. Декарта, И.Канта, Д. Локка, У. Джеймса и конечно Д. Юма. Именно Юму мы обязаны термином «экспериментальная философия» (*experimental philosophy*, в русском переводе «основанная на опыте философия»), который появляется во Введении к «Трактату о человеческой природе» ([7. С. 57]). Удивительным образом рассуждения Юма оказываются сегодня актуальны и созвучны нашему пониманию экспериментальной философии, поэтому приведем их с небольшими купюрами. «Итак, единственный способ, с помощью которого мы можем надеяться достичь успеха в наших философских исследованиях, состоит в следующем: ...будем прямо брать приступом столицу, или центр этих наук, – саму человеческую природу; став наконец господами последней, мы сможем надеяться на легкую победу и надо всем остальным. С этой позиции мы сможем распространить свои завоевания на все те науки, которые наиболее близко касаются человеческой жизни...» [7. С. 56]. И далее: «Но если наука о человеке является единственным прочным основанием других наук, то единственное прочное основание, на которое мы можем поставить саму эту науку, должно быть заложено в опыте и наблюдении» [7. С. 57]. В другом месте «Трактата» он характеризует экспериментальную философию как наиболее естественную и простую.

Именно такую, основанную на опыте и наблюдении философию, Юм и называл экспериментальной. Как нам представляется, это ключевая характеристика верна и для современной экспериментальной философии как философского исследования, в котором используются методы когнитивных наук для постановки и рассмотрения философских вопросов. При этом важно отметить, что с нашей точки зрения в ряду этих вопросов исследование человеческой природы, сознания, мышления и других когнитивных функций занимает главенствующее положение. Будучи экспериментальными философами, мы стремимся исследовать человека и окружающий мир как данный, с опорой на непосредственное описание, наблюдение того, что и как представлено в опыте. Такой подход требует междисциплинарных усилий, тесного взаимодействия философа и ученого, направленного на реализацию общей цели. В этом тандеме нет ведущего и ведомого, экспериментальная философия не является лишь философским теоретическим осмыслением постфактум экспериментального научного опыта. Впрочем, и экспериментальная наука обращается к философии не только ради теоретического осмысления уже полученных данных, поднимая волну философских размышлений и интерпретаций, как это произошло, например, в случае знаменитых экспериментов В. Либета (см., например,

[8]), вызвавших широкую философскую дискуссию о свободе воли, не прекращающуюся и по сей день.

Есть другой, на наш взгляд, более перспективный формат взаимодействия философии и экспериментальной науки – это совместная экспериментальная работа философа и ученого, нацеленная на решение определенной познавательной задачи, которая требует непосредственного участия философа уже на стадии разработки эксперимента, с последующим философским осмыслением экспериментальных данных и выдвижением гипотез для дальнейшей экспериментальной проверки. Речь в данном случае идет не о «переключке двух соседей», а о совместном целенаправленном междисциплинарном взаимодействии.

Сегодня вряд ли кто-то усомнится в том, что экспериментальная философия – это взаимодействие философии и экспериментальной науки. Название говорит само за себя. Вопрос встает о характере взаимодействия философии и науки. Уточнения требует и само понятие эксперимента. Мысленные эксперименты, на которые опираются некоторые исследователи сознания, очевидно, не относятся к научным экспериментам. Тем не менее, мысленные эксперименты широко представлены в философии сознания, особенно в ее аналитическом варианте. Безусловно, они выполняют важные функции, связанные с акцентированием внимания на проблеме, выдвижением гипотез, прогнозированием и анализом следствий и т.д., но рассматриваться в качестве научно-экспериментального обоснования теоретических положений, конечно, не могут. Мысленная репрезентация, на которую опирается мысленный эксперимент и репрезентируемый непосредственный опыт в условиях научного эксперимента, не тождественны по своему когнитивному статусу, и нацелены на решение разных познавательных задач. Мысленный эксперимент не нацелен на научное обоснование, подтверждение или опровержение, и может быть включен в экспериментально-философский дискурс только с определенными оговорками.

Современная наука убедительно демонстрирует, что философские вопросы могут возникать не только перед философами. Психологи, ученые естественники, в первую очередь физики и биологи, нейрочеловек, в своей научной деятельности исследуя природу и человека, стремятся обнаружить фундаментальные диспозиции, лежащие в основе жизни, сознания, поведения, морали и т.п. Естественно, такие исследования не могут не затрагивать наиболее общие философские вопросы об устройстве мира и природы человека. Не менее естественно отнести эти исследования, вызванные к жизни и основывающиеся на научных экспериментах, к области экспериментальной философии, пусть и с определенными оговорками.

Еще одна важная черта экспериментальной философии, которую мы уже упомянули, состоит в ее принципиальной междисциплинарности. В связи с этим в литературе достаточно часто встречаются высказывания, которые могут быть не вполне корректно истолкованы вне более широкого контекста экспериментальной философии. Так, авторы работы [9. Р. 2] пишут о том, что постепенно растет число экспериментальных философов, которые «используют

экспериментальные психологические методы для разработки и оценки философски значимых понятий». Примерно о том же пишет Дж. Александер в книге [10], утверждая, что экспериментальные философы используют методы социальных и когнитивных наук. На наш взгляд, буквальное прочтение этих утверждений может ввести в заблуждение. Если исследователь является профессиональным философом и не имеет специального образования в релевантных эмпирических науках, очень сомнительно, что он сумеет квалифицированно провести эмпирическое исследование и получить надежные верифицированные выводы. К сожалению, особенно в области исследований, связанных с социологией, такое периодически происходит. Достаточно вспомнить работу [5], которую традиционно указывают в качестве одного из первых исследований в области экспериментальной философии. Ее авторы, не будучи социологами или психологами, основывают свои выводы на проведенных ими же опросах. Аналогичным образом ведет свои исследования Дж. Ситсма и многие другие. К счастью, в области нейрокогнитивных наук такое самостоятельное творчество философов представляется практически невозможным.

С нашей точки зрения, кроме редких случаев удачного совмещения, философ всегда остается философом, а когнитивный ученый – когнитивным ученым. Задача не в том, чтобы первый начал проводить эмпирические исследования, а второй занялся философией (хотя такое тоже случается). Экспериментальной философии делает сотрудничество философов и когнитивных ученых при решении философских проблем. Сегодня возникают междисциплинарные научные коллективы, в состав которых входят психологи, философы, нейрочеловековеды, специалисты в области ИИ и т.д. В качестве аргумента в пользу продуктивности таких коллективов достаточно вспомнить союз Варелы, Томпсона, Рош и ассоциированную с именем Варелы нейрофеноменологию, опирающуюся на феноменологию Гуссерля.

Феноменология методологически оказалась близкой к естествознанию и нейрокогнитивным наукам. Призыв ее основателя Гуссерля вернуться «к самим вещам» требовал объективности рассмотрения с опорой на описание и наблюдение. Акцент феноменологии на непосредственно переживаемом субъектом опыте оказался релевантным этому призыву. Не удивительно, что именно феноменологические исследования сознания «от первого лица» с акцентом внимания на базовых когнитивных концептах и структурах оказались востребованы современной когнитивной наукой, биологией, психологией, психиатрией, медициной. Ученые, объективно исследующие когнитивные процессы разного уровня, хотят знать, что скрывается за фиксированными научными данными, каким феноменальным переживаниям они соответствуют.

Феноменология, с ее обращенностью к опыту как субъективному переживанию, оказала и продолжает оказывать влияние на становление и развитие психиатрии, экзистенциальной медицины и психотерапии. Достаточно упомянуть Карла Ясперса, Эжена Минковски, Людвиг Бинсвангера. Всех их объединяло убеждение в том, что подход к пациенту должен быть феноменологически ориентированным, очищенным от разного рода предпосылок,

предубеждений, вносящих искажения в понимание субъективных переживаний. Эти идеи нашли отражение и развитие в работах Ф. Перлза, К. Роджерса, Р. Мэя, Р. Лэйнга, А. Джорджи, Э. Спинелли, Ю. Джендлина и многих других.

Почти все психические заболевания связаны с изменениями субъективного жизненного опыта. Научное изучение физиологической основы психических заболеваний, как правило, сосредоточено на объективных показателях и наблюдаемом поведении, что ограничивает потенциал нашего понимания природы и механизмов болезненных состояний, соответственно, и возможных методов лечения. Применение объективных научных методов, предназначенных главным образом для интерпретации объективных поведенческих показателей, к описанию субъективных состояний, не продуктивно, так как наталкивается на массу трудно разрешимых проблем, требующих учета субъективных переживаний пациента. Призыв Гиппократов «лечить человека, а не болезнь» оказывается весьма актуальным. Современные исследователи все чаще обращаются к феноменологии, высоко оценивая потенциал феноменологической методологии «от первого лица» не только для объяснения основ психических заболеваний, но и для генерирования новых и плодотворных предложений для нейробиологических исследований, разработок нейроинтерфейсных технологий, биоэтических экспертиз и других направлений.

Сегодня бурное развитие технологий, связанных с человеческим сознанием, предполагает исследование самого сознания как сложной междисциплинарной области на базе интегрированной методологии, включающей наряду с научными методами феноменологические исследования. Успешное развитие интерфейсных технологий (**мозг-компьютер – ВСИ** или **мозг-машина – ВМИ**), предполагающих фиксацию активности мозга пользователя и преобразования его команд для внешнего приложения, требует понимания того, что мозг не является субъектом коммуникации человека и технического устройства, а лишь репрезентирует телесного сознательного агента, постоянно взаимодействующего со средой, переживающего разные модусы сознательного субъективного опыта. Как влияют имплантируемые устройства нового поколения с интерфейсом мозг-компьютер на субъективный опыт? Происходят ли внутренние изменения феноменального опыта, самости, самоидентификации, проприоцепции – вопросы, которые требуют самого широкого обсуждения и релевантных исследований. Очевидно, что получение подобной информации и адекватная ее интерпретация возможны лишь через исследования с опорой на отчеты от первого лица.

В немногочисленной литературе по этой проблеме обращают на себя внимание клинические инвазивные испытания на людях, целью которых было изучение изменений субъективного опыта до имплантации консультативных устройств ВСИ и после имплантации (см., например, [11; 12]). Ученые констатировали различные векторы изменения субъективного опыта, которые можно охарактеризовать как с позитивной, так и с негативной стороны. Особенностью таких исследований было применение интегрированной методологии: наряду с объективными данными использовались феноменологически

ориентированные интервью пациентов. Результаты показали, что, с одной стороны, ВСІ могут позитивно влиять, например, на Я-образ и чувство самоконтроля; с другой стороны, они могут вызывать радикальный дистресс, чувство потери контроля и идентичности Я у пациента. Результаты подобных исследований трудно переоценить. Они фиксируют наше внимание на необходимости упреждающих действий, которые позволят избежать потенциальных негативных последствий для человека. В арсенал таких упреждающих средств должны быть включены феноменологические исследования и феноменологически ориентированные протоколы. Эволюция протезов конечностей, контролируемых с помощью ВСІ, ставит вопросы, требующие уточнения понятий самости, самопринадлежности, владения телом, самоидентификации, Я-образа, минимального Я, нарративного Я, чувства независимости и других, развиваемых в феноменологической парадигме. В какой степени имплантируемое устройство ВСІ интегрируется в самоощущение пациента – вопрос, который имеет серьезные биоэтические основания.

Очевидно, что решение этих и подобных им задач потребует междисциплинарного взаимодействия. Экспериментальная философия – пример такого взаимодействия. Принципиальная междисциплинарность исследований конечно влечет серьезные следствия. Во-первых, общность интересов и решаемых задач естественно обуславливают тот факт, что экспериментально-философские исследования могут иметь и зачастую имеют значение не только для философии, но и для смежных наук. Это происходит по ряду причин и в различной форме. Выше мы уже привели некоторые примеры подобных исследований.

Во-вторых, междисциплинарный формат исследований экспериментальной философии несомненно усиливает научный потенциал и наукоемкость результатов. Следует заметить, что понятие научного результата, его надежности в философии и естественных науках на протяжении долгого времени существенно различались. Как известно, это связано с различными критериями научности, что обусловлено спецификой гуманитарного и естественнонаучного знания, а в конечном итоге объясняется различиями в методах. Пожалуй, единственное исключение в этом отношении представляет философская логика, в которой к научному результату всегда применялись почти те же требования, что и в математике, дополненные философской спецификой. В случае экспериментальной философии оказываются напрямую или, по крайней мере, косвенным образом применимы принятые в естественной науке критерии научности и оценки валидности результатов исследований.

Естественным ужесточением критериев стала так называемая негативная программа экспериментальной философии (см., например, [13]). Исторически различие позитивной и негативной экспериментальной философии возникло в рамках аналитической традиции и было связано с трактовкой философской интуиции. Роль интуиции в позитивном варианте аналитической экспериментальной философии двоякая – она может служить источником данных для концептуального анализа или играть роль обоснования или даже доказательства.

Последняя ипостась философской интуиции напрямую связана с методом мысленных экспериментов. И именно мысленные эксперименты оказываются основной мишенью негативной программы, ставящей под сомнение надежность интуитивного метода в философии. В определенном смысле негативная программа экспериментальной философии дополняет позитивную, отбрасывая ненадежные интуитивные обобщения, данные и выводы благодаря применению более строгих критериев философской научности.

Подводя некоторый итог этому вводному разделу, важно отметить, что, на наш взгляд, неправильно было бы трактовать экспериментальную философию как особое автономное направление или течение философской мысли. Характеристика ее как нового этапа в развитии философии ближе к истине, но тоже не вполне верна: есть и всегда будут философские проблемы, решение которых не предполагает использования экспериментальных методов. Ниже мы попытаемся обосновать точку зрения, согласно которой экспериментальная философия – это не просто одно из направлений или течений в современной философской мысли, а междисциплинарный синтез научных и философских исследований на базе интегрированной методологии. В этом смысле экспериментальной может быть аналитическая философия и континентальная, метафизика и эпистемология, этика, эстетика и логика – любое направление в философии допускает экспериментальный подход. Таким образом, под экспериментальной философией следует понимать изменение в философской методологии, предполагающее синтез традиционных философских методов и методов эмпирической науки для решения философских проблем.

Назад к человеку

Чем объясняется интерес философов к методам экспериментальной науки, почему экспериментальный поворот происходит именно в наши дни?

В качестве одной из причин оказывается произошедший ранее в 70–80 гг. прошлого века практический поворот в философии. Смещение философского интереса, особенно ярко проявившееся в социальной науке и социологии, с метафизически-субстанциального на сферу повседневного опыта, жизненного мира агента в определенном смысле подготовило почву для более фундаментального экспериментального поворота, ставшего естественным продолжением движения философии к практике. Прагматизм, поворот к субъекту, акцент на исследовании сознания – характерные черты философии нашего времени. На этом фоне вполне естественным выглядит стремление гуманитарной науки к объективности своих результатов, их практической значимости.

Не менее важной причиной экспериментального поворота, часто указываемой исследователями особенно аналитического направления, стало стремление сделать концептуальный анализ как основной метод «кабинетного философствования» более точным. Аналитические философы прибегают к экспериментальному подходу в надежде до определенного предела прояснить туманные интуиции, выявить типичные ошибки и когнитивные искажения, в некотором смысле «заземлив» эмпирическими методами проверки (в первую очередь

взятыми из арсенала социологии и психологии) философские рассуждения, тем самым как бы придавая философскому знанию объективный характер в противоположность чисто субъективному мнению того или иного исследователя. Отсюда парадигма достаточно типичного исследования, выполненного в аналитической традиции и претендующего на экспериментальность. В качестве материала используются речевые протоколы, часто представленные в письменной форме, а само исследование представляет собой социологический или психологический опрос, например, о восприятии контрафактических высказываний. Выше мы уже касались сложного вопроса о компетентности исследователей, проводящих подобные опросы. Как бы то ни было, подкрепление концептуального анализа эмпирическим материалом, очищение его от когнитивных искажений полезно любому философу вне зависимости от занимаемой им философской позиции.

Третья причина, сделавшая возможным экспериментальный поворот, – это прогресс в области методов нейрокогнитивных исследований, достигнутый в начале века. Перед исследователями открылись новые возможности изучения нейрокогнитивных механизмов, установления корреляций между мозговой активностью и когнитивными функциями. Это позволяет ставить вопросы о том, почему и каким образом люди осуществляют познавательные операции, исследовать мышление и на новом этапе искать подходы к пониманию сознания и интеллекта. Важно отметить, что технологический прогресс привел к активизации экспериментально-философских исследований в двух смежных, но отличающихся модулях. Во-первых, философы получили возможность исследовать сознание с помощью и на основе методов нейронауки, во-вторых, сами нейрочеловеки столкнулись в своих исследованиях с подлинно философскими проблемами, ставить и решать которые адекватно они без помощи профессиональных философов не могут.

Как нам представляется, наиболее продуктивным в отношении синтеза философии и когнитивной науки в рамках экспериментального подхода является феноменология. Феноменология не только является эффективным средством увязать воедино многочисленные разрозненные данные эмпирических исследований и предложить их философскую интерпретацию и объяснение. Благодаря изначальной нацеленности на изучение феноменов сознания «от первого лица» она является, пожалуй, лучшим кандидатом на сращивание с когнитивной, в том числе нейро-, наукой для всестороннего исследования познания. Ярким примером и подтверждением плодотворности такого синтеза является нейрофеноменология Ф. Варелы, которую он сам характеризовал как проект сращивания современной когнитивной науки с гуссерлианской феноменологией. Такой проект, по замыслу его создателей, должен был позволить преодолеть известный «провал в объяснениях» через использование данных от первого лица, поставляемых «феноменологически тренированными» агентами при конструировании объясняющих моделей. Это пример своеобразной «натурализации феноменологии», обусловленной стремлением к научной объективизации данных феноменологического исследования. Возможен и обратный путь

«феноменологизированной естественной науки», когда ученые обращаются к феноменологии для концептуализации и обоснования эмпирических данных. Заметным представителем этого направления является Ш. Галлахер, выступающий за использование феноменологического концептуального аппарата и методов исследования при разработке дизайна нейроэкспериментов.

В любом случае союз феноменологических и когнитивных нейронаучных исследований оправданно претендует на всестороннее исследование сознания, и с феноменологической позиции «от первого лица», и с научной позиции «от третьего лица». В таком подходе учитывается двусторонняя специфика сознания: с одной стороны, сознание представляет собой способ конституирования мира, с другой – само является объектом этого мира. Д. Захави и Ш. Галлахер [14] подчеркивают фундаментальную роль феноменологии как исследования от первого лица для всестороннего исследования сознания, основываясь на убеждении, что не бывает объективности, не зараженной субъективностью. Нейроученый должен иметь представление о том, *что* стоит за данными нейроисследований.

Глубокая концептуальная связь философии с различными когнитивными науками и с нейронаукой в частности сегодня ни у кого не вызывает сомнения. Достаточно упомянуть гештальт- и феноменологическую психологию (Ф. Перлз, К. Коффка), нейрофеноменологию и энактивизм (Ф. Варела, Э. Рош, Э. Томпсон), теорию воплощенного моделирования (В. Галлезе), теорию взаимодействия Ш. Галлахера.

Все чаще ученые, занимающиеся эмпирическими исследованиями в различных академических областях, пытаются подняться на философский уровень осмысления мира, обращаясь к вопросам о природе сознания и морали, мышления и языка, свободы воли и многим другим, традиционно относящимся к компетенции философии. А. Дамасио, Х. Матурана, Ф. Варелла, Ф. де Вааль, Н. Хомский, С. Пинкер, Р. Сапольски, А. Вежбицка и сотни других исследователей в своих книгах поднимают вопросы, которые с равной легкостью могут относиться к области современной биологии, психологии, психолингвистики, нейронауки, а также быть непосредственно отнесены к общему разделу «философия». Неслучайно в вызвавшем бурное обсуждение так называемом «Меморандуме Барретт», авторы которого (тринадцать когнитивных ученых, включая знаменитую Л.Ф. Барретт) призывают к пересмотру устоявшихся в нейрокогнитивных исследованиях предпосылок о локализации и взаимно-однозначном соответствии между выделенными нейрональными ансамблями и психическими событиями или когнитивными функциями, специально отмечается, что, во-первых, пересматриваемые предпосылки и допущения интерпретируются как онтологические и относятся к сфере философии науки, а во-вторых, плодотворное исследование мозга как сложной системы предполагает подход, основанный на построении модели исследуемого явления, частью которой является явная формулировка принимаемых допущений и онтологических предпосылок [15. P. 253–254].

Заключение

Представленные в этом номере журнала работы как нельзя лучше иллюстрируют и представленный выше плюрализм подходов к пониманию экспериментальной философии, и плодотворность экспериментально-философских исследований в совершенно разных областях. Условно их можно разделить на две группы: исследования, посвященные обоснованию той или иной трактовки экспериментальной философии и перспективам развития этого философского направления, и работы, в которых обсуждаются возможности или непосредственно представлены результаты экспериментально-философских исследований.

К работам первой группы относится исследование О.А. Власовой «Старые проблемы и новые перспективы нейрофеноменологии в психиатрии: хроника радикального поворота», посвященная психиатрической нейрофеноменологии. В работе прослеживается трансформация традиционных проблем психиатрии с акцентом на важность междисциплинарного подхода для их решения. Автор обосновывает мысль о том, что именно нейрофеноменология является наиболее плодотворной почвой и для экспериментальной философии вообще и для философии психиатрии в частности.

Е.В. Косилова в исследовании «Что может быть другим? Роль опыта в философии» задается вопросом понимании опыта в философии и его месте в философских рассуждениях. Высказывается гипотеза о роли опыта как фильтра в процессе обоснования метафизических суждений.

В работе Е.В. Фалёва «Эпистемологически различные миры» анализируется введенное Г. Вакариу понятие «эпистемологически различных миров» в сравнении с концепцией умвельта Я. Икссюля, прослеживаются связи и влияние последней на феноменологию Э. Гуссерля, фундаментальную онтологию М. Хайдеггера и нейрофеноменологию Ф. Варелы.

Исследование «Экспериментальная философия и когнитивная наука в контексте осмысления гибридного интеллекта: философско-антропологический аспект» (Г.Е. Боков, Е.В. Чапны) и «Методологическое взаимодействие экспериментальной и компьютерной философии» (Е.А. Алексеева) занимают промежуточное положение: авторы основываются на определенном понимании экспериментальной философии и вместе с тем апеллируют к подтверждающим перспективность их трактовки эмпирическим исследованиям. Г.Е. Боков и Е.В. Чапны делают акцент на тех возможностях, которые дает тесный диалог философии и когнитивной науки, при этом экспериментальная философия понимается ими как «такая философия, которая открыта для осмысления новых данных, полученных экспериментальным, опытным путем». Иллюстрацией плодотворности такого подхода по замыслу авторов должны служить перспективы применения конвергентных НБИКС-технологий, исследования нейроинтерфейсов, в частности результаты работы ученых НИТЦ нейротехнологий ЮФУ в сфере гибридного интеллекта. Е.А. Алексеева стремится обнаружить взаимосвязи между экспериментальной философией и компьютерной

философией. В связи с этим автор обсуждает возможность экспериментального философского исследования, посвященного проблеме обоснования в области доказательной медицины.

Вторую группу работ открывает исследование профессиональных психологов Н.Е. Вераксы, А.Н. Вераксы, З.В. Айрапетян и Е.Е. Крашенинникова «Развитие диалектического мышления: роль структурированности и организованности повседневной жизни ребенка в дошкольном детстве». В центре внимания авторов работы проблема обработки противоречивой информации. Экспериментальной основой работы послужило проведенное авторами лонгитюдное исследование, направленное на уточнение научных представлений о развитии диалектического мышления в дошкольном и младшем школьном возрасте.

Е.Л. Кабахидзе в исследовании «Философско-когнитивные аспекты визуальной метафоры в политическом дискурсе» исследует философско-когнитивные основания метафоры в американской, британской и чилийской лингвакультурах. Для этих целей автором была разработана специальная методология, а стимульным материалом послужили 30 карикатур политических лидеров.

Работа В.А. Чалого «Экспериментальная этика и кантианская деонтология» посвящена рассмотрению основанной на экспериментах критике деонтологической нормативной теории Дж. Грином. Автор предлагает свою интерпретацию экспериментальных данных, ставящую под сомнение критические выводы Грина.

Работа «Метрики феноменологического виртуального опыта» О.И. Елховой также может быть отнесена к зарождающейся традиции экспериментально-философского исследования. Предметом исследования становится феноменология виртуального опыта, а само исследование соединяет в себе феноменологический подход и естественнонаучные методы.

Таким образом, предваряемая данной работой подборка публикаций при всех различиях подходов, трактовок и объектов философско-экспериментальных исследований как нельзя лучше подтверждает развиваемое нами понимание экспериментальной философии как методологического поворота, в равной степени плодотворного в любой области при принятии любых философских предпосылок.

Список литературы / References

- [1] Li J, Zhu X. Twenty years of experimental philosophy research. *Metaphilosophy*. 2023;54(1):29–53. <https://doi.org/10.1111/mec.12602>
- [2] Knobe J, Nichols S. Experimental Philosophy. In: Zalta EN, editor. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/experimental-philosophy/> (accessed: 10.05.2024).
- [3] Machery E et al. Semantics, cross-cultural style. *Cognition*. 2004;92(3):B1–B12. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2003.10.003>
- [4] Knobe J. Intentional action and side effects in ordinary language. *Analysis*. 2003;63(3):190–194. <https://doi.org/10.1111/1467-8284.00419>

- [5] Weinberg JM, Nichols S, Stich S. Normativity and epistemic intuitions. *Philosophical topics*. 2001;29(1/2):429–460. <https://doi.org/10.5840/philtopics2001291/217>
- [6] Knobe J, Nichols S, editors. *Experimental philosophy*. Oxford University Press; 2007. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195323252.002.0004>
- [7] Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1996.
Hume D. *Works in 2 vols*. Vol. 1. Moscow: Thought; 1996.
- [8] Libet B. Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action. *Behavioral and brain sciences*. 1985;8(4):529–539. <https://doi.org/10.1017/s0140525x00044903>
- [9] Wilkenfeld DA, Samuels R, editors. *Advances in experimental philosophy of science*. Bloomsbury Publishing; 2019. <https://doi.org/10.5040/9781350068896>
- [10] Alexander J. *Experimental philosophy: An introduction*. Polity; 2012. <https://doi.org/10.1017/s0031819113000259>
- [11] Gilbert F et al. Embodiment and estrangement: results from a first-in-human “intelligent BCI” trial. *Science and engineering ethics*. 2019;25:83–96. <https://doi.org/10.1007/s11948-017-0001-5>
- [12] Klein E et al. Engineering the brain: ethical issues and the introduction of neural devices. *Hastings Center Report*. 2015;45(6):26–35. <https://doi.org/10.1002/hast.515>
- [13] Alexander J, Mallon R, Weinberg JM. Accentuate the negative. *Review of Philosophy and Psychology*. 2010;1:297–314. <https://doi.org/10.1007/s13164-009-0015-2>
- [14] Gallagher S, Zahavi D. *The phenomenological mind*. Routledge; 2020. <https://doi.org/10.4324/9780429319792>
- [15] Westlin C et al. Improving the study of brain-behavior relationships by revisiting basic assumptions. *Trends in cognitive sciences*. 2023;27(3):246–257. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2022.12.015>

Сведения об авторах:

Зайцева Наталья Валентиновна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, кафедра философии языка и коммуникации, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4. ORCID: 0000-0002-1691-1402. SPIN-код: 3458-9236. E-mail: natvalen@list.ru

Зайцев Дмитрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, кафедра логики, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4. ORCID: 0000-0002-9076-4658. SPIN-код: 3506-3020. E-mail: zaitsev@philos.msu.ru

About the authors:

Zaitseva Natalia V. – PhD in Philosophy, Leading Research Associate, Department of Philosophy of Language and Communication, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27/4 Lomonosovsky Prospekt, Moscow, GSP-1, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1691-1402. SPIN-code: 3458-9236. E-mail: natvalen@list.ru

Zaitsev Dmitry V. – DSc in Philosophy, Department of Logic, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27/4 Lomonosovsky Prospekt, Moscow, GSP-1, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9076-4658. SPIN-code: 3506-3020. E-mail: zaitsev@philos.msu.ru